

БРЯЧЕСЛАВ ГАЛИМОВ

ВОКРУГ ТЮДОРОВ.
ЭПОХА ПЕРЕМЕН
И ВРЕМЯ СТРАСТЕЙ

ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН
КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

Книга написана на основе воспоминаний начальника тайной полиции времен английского короля Генриха VIII. Действия произведения разворачиваются вокруг возлюбленной Его Величества Анны Болейн, ради которой он решает бросить жену Екатерину. Любовные страсти приводят к большим внутривластным изменениям в стране...

Роман «Измена Анны Болейн королю Генриху VIII» — это политико-любовная драма, которая открывает трилогию под названием «Вокруг Тюдоров. Эпоха перемен и время страстей».

Роман Брючеслава Галимова выходит далеко за рамки историко-биографического произведения. Он приобретает большую познавательскую ценность, удачно передавая дух эпохи, изображая многочисленные портреты современников короля Генриха VIII.

Брячеслав Галимов

Книга 1

ИЗМЕНА АННЫ БОЛЕЙН КОРОЛЮ ГЕНРИХУ VIII

Часть 1. Охота короля

Путь от часовни до личных покоев короля проходил через длинную галерею, где толпились придворные, желавшие лишней раз показаться перед своим государем, и всякого рода просители, попавшие во дворец по протекции или за взятку. Король Генрих ненавидел эту галерею: пройдя через нее, он лишался даже той жалкой частицы религиозного чувства, которую давала ему утренняя молитва. Людские помыслы были настолько далеки от идеалов веры, что религия начинала казаться Генриху фантазией, имеющей мало общего с реальностью. Подобные мысли пугали короля, он мрачнел и с трудом скрывал раздражение.

В то же время его жена Екатерина, находясь в прекрасном расположении духа после заутрени, милостиво улыбалась народу. Королева лишь в периоды собственных неудач замечала несоответствие между тем, что говорили

священники в церкви, и тем, что было в жизни. Тогда она плакала и обвиняла причинивших ей огорчение людей в несоблюдении религиозных заповедей и в отступлении от веры. Своим доверенным фрейлинам королева шепотом поясняла при этом, что главным виновником всех бед, происходящих с королевством и лично с ней, является, конечно же, сам король, известный вольнодумец и циник.

Генриха возмущали выпады Екатерины против него. Он женился на ней не по любви, а из высших государственных соображений; из подобных соображений и она вышла за него замуж. В отношениях с женой король старался соблюдать правила, основанные на принципах взаимного уважения и невмешательства в жизнь друг друга, однако Екатерина постоянно нарушала эту договоренность, и часто вела себя враждебно в отношении Генриха. Ее женские обиды причудливым образом перемешивались с присущим Екатерине религиозным фанатизмом, создавая ядовитую смесь ненависти и презрения, которая стала совершенно непереносима для Генриха в последние месяцы.

Простившись с женой у дверей своих личных покоев, Генрих не смог сдержать облегченного вздоха, не оставшегося незамеченным членами Ближнего Королевского Совета. Многозначительно

переглядываясь, они проследовали за королем в зал гобеленов, где Генрих обычно отдыхал после заутрени. Здесь слуги быстро и ловко сняли с шеи короля тесное жабо, распустили шнуровку на камзоле и ослабили подвязки на чулках. Генрих грузно опустился в большое кресло, вздохнул еще раз и сказал своим приближенным:

— До чего не люблю я современную мужскую моду! Чертовы чулки с чертовыми подвязками сжимают ногу, как «испанский сапог». Камзол не дает дышать, а жабо, мало того что давит горло, так еще не позволяет повернуть голову. Тому, кто телом тощ, и то нелегко, а каково мужчине дородному, да тучному, — такому, как мне. Кровь приливает к затылку, в глазах темнеет, а лодыжки так болят, что начинаешь хромать, подобно нищему калеке.

Члены Совета сочувственно поддержали короля:

— Вы правы, ваше величество! Ужасная мода!

— Ужасная. Да, ужасная, — повторил Генрих. — Одно, хорошо, господа, — буфы широкие, не стесняют задницу, и гениталии также не стеснены. Это очень важно для продолжения рода, господа, чтобы гениталии не были стеснены, — мне ведь еще предстоит обзавестись наследником. Моя жена родила мне дочь, да на том и успокоилась, а мне нужен сын — принц и

будущий король. Сэр Джеймс, вы хотите мне что-то сказать? Говорите.

Вперед выступил человек выше среднего роста, скорее молодой, чем зрелых лет. Почтительно поклонившись королю, сэр Джеймс потрепал свою изящную темную бородку и вкрадчиво проговорил:

— Ваше величество, то, что я сейчас скажу, вы можете счесть неслыханной дерзостью, но моя совесть и мое чувство долга побуждают меня сказать вам это, даже если моя голова будет срублена палачом и выставлена на всеобщее обозрение на мосту.

— Ближе к делу, сэр Джеймс, ближе к делу! Потом решим, что делать с вашей головой, — сказал король.

— Позвольте мне сообщить вам то, о чем со скорбью сердечной думают все подданные вашего королевства: ее величество недостойна вас. Такому выдающемуся королю, как вы, подобает жена под стать вам, — я имею в виду, конечно, ваши душевные качества, а не телесную оболочку.

— Вы, действительно, дерзки, сэр Джеймс. Высказываться подобным образом о моей жене, об особе королевской крови. Неслыханная наглость!.. Впрочем, продолжайте, я всегда готов услышать слова правды, как бы горько они не звучали.

— Вы — образец государя, ваше величество, чего никак нельзя сказать о ее величестве, — продолжал сэр Джеймс. — Интересы ее родной страны ближе королеве, чем интересы нашего государства.

— Так вот как думают мои подданные, сэр Джеймс!

— Они страдают от несправедливости к вам судьбы, ваше величество. Денно и ночью они молятся о вашем благополучии.

— Но что вы предлагаете?

— О, ваше величество, смею ли я советовать вам?

— Бросьте, милорд! Для чего же я включил вас в состав Ближнего Королевского Совета, как не для того чтобы вы мне советовали?

— В таком случае, я рискую окончательно потерять ваше доброе ко мне расположение, но я должен посоветовать вам расстаться с королевой для того чтобы связать свою жизнь с другой, более достойной особой, — решительно произнес сэр Джеймс.

— Бог мой! Вы, должны быть, сошли с ума, достопочтенный сэр! Мне расстаться с королевой? Это невозможно, невысказимо! Как я могу оставить ее? К тому же для этого надо иметь веские основания. Вы, наверно, забыли, что разрешение на развод мне может дать только сам святейший папа,

а он тесно связан с императором Карлом, племянником моей жены, и никогда не пойдет против его воли.

— Однако у вас, ваше величество, есть причина для развода...

— Что за причина?

— Веская причина. Причина, о которой вы сами изволили упомянуть, причина, вызывающая тревогу во всем нашем королевстве...

— А! Отсутствие наследника... Да, причина действительно веская. Мне кажется, в истории королевских семей были подобные прецеденты?

— Безусловно, ваше величество. Я могу составить соответствующий меморандум.

— Благодарю вас, сэр Джеймс. А что думают по поводу развода другие члены Совета?

— Сэр Джеймс прав. Ваше величество, конечно, не может остаться без наследника, — согласно закивали головами члены Совета.

— Но я вижу, что сэр Томас молчит. Сэр Томас, мне бы хотелось услышать ваше мнение, — сказал Генрих.

Сэр Джеймс, низко склонившись перед королем, отступил назад, и место перед королевским креслом занял сэр Томас.

— Отчего у вас печальное лицо, дорогой сэр Томас? — спросил король. — Несмотря на

некоторые сложности, дела в нашем государстве идут неплохо. Отчего же вы так грустны, милорд?

На бледном лице сэра Томаса промелькнуло некое подобие улыбки.

— Ваше величество, я польщен тем, что вы проявили внимание ко мне, но боюсь мне нечем вас порадовать.

— Ну, сэр Томас, я и не жду от вас развлечений! Вы — не акробат, забавляющий публику ловкостью своего тела, не актер, заставляющий нас поверить в игру выдуманных страстей, и не музыкант, веселящий наши сердца мелодичными звуками. Вы дороги нам как человек острого ума и обширной эрудиции, как человек, обладающий большим государственным опытом и глубоким знанием жизни. Ваши советы всегда ценны для нас, даже если они не вызывают удовольствия. Я знаю, что вы философ, милорд, и во многом я с вами согласен, но вы чересчур мрачно смотрите на мир, — чересчур мрачно, говорю я вам! Есть в нашем мире и светлые стороны, уверяю вас! Впрочем, я спрашивал вашего совета насчет моего развода, если вы помните, — заметил король.

Среди членов Совета послышались смешки. Сэр Томас не повел и бровью; выпрямившись во весь свой невысокий рост, он произнес холодным официальным тоном:

— Что касается вашего развода, ваше величество, то я считаю его неосторожным и необдуманном шагом, вредным и опасным для государства.

Члены Совета возмущенно заохали и начали шептаться, а сэр Джеймс иронически засмеялся.

— Сохраняйте тишину, уважаемые господа! — повысил голос король. — Продолжайте, сэр Томас, мы с нетерпением хотим услышать ваши аргументы.

— Слушаюсь, ваше величество. Во-первых, развод с королевой приведет к неизбежному конфликту с императором, что может вызвать войну с сильнейшим государством мира, войну, в которой мы не имеем никаких шансов на победу в настоящее время. Полагаю, что не нужно объяснять, какие итоги будет иметь эта война для нашего королевства. Священная Римская империя, которой правит родственник вашей жены, раскинулась на целый мир: кроме Испании, Италии, Австрии, Германии и Нидерландов, ей принадлежат многие заморские владения, в том числе в Америке. Как мы можем воевать с этим гигантом?...

Во-вторых, развод вашего величества с королевой никогда не будет разрешен святейшим папой. Как вы верно заметили, папа теснейшим образом связан с императором Карлом и поэтому не позволит вам развестись с королевой, несмотря ни

на какие обоснования, приведенные нами. Если же вы пойдете на разрыв отношений с его святейшеством, то это приведет вас к отлучению от церкви, что восстановит против вашего величества большую часть ваших подданных. В стране произойдут беспорядки, которые могут вызвать новую междоусобную войну, — и это тогда, когда мы еще не оправились от последствий прежней междоусобицы!

— Сэр Томас сильно сгущает краски. Он хочет запугать нас, — громко прошептал сэр Джеймс.

— Если же вы, ваше величество, будете сохранять хотя бы видимость добрых супружеских отношений с королевой, то мы не только избежим всего этого, но достигнем процветания и могущества, ибо все необходимые предпосылки для этого у нас есть, — продолжал сэр Томас. — Добавлю, что негативное влияние ее величества на дела вашего королевства и ее попытки проводить здесь политику, отвечающую интересам императора, можно легко нейтрализовать, поскольку королева, как справедливо заметил сэр Джеймс, не любима народом, и не имеет поддержки ни в ком, кроме своих ближайших фрейлин. Итак, ваше величество, сохранение вашего брака — благо для королевства, развод — зло для него.

— Да, есть о чем задуматься, — сказал король после паузы. — Что же, благодарю всех за помощь и более не задерживаю. Я хочу побыть один.

* * *

Когда все ушли, Генрих тяжело поднялся с кресла, подошел к одному из гобеленов и нажал на рычаг, спрятанный за ним. В простенке между гобеленами открылась потайная дверь, из нее вышел человек в одежде простого горожанина.

— Вы все слышали, мастер Хэнкс? — спросил его Генрих.

— Конечно, ваше величество.

— Кто прав — сэр Джеймс или сэр Томас?

— Оба не правы, — коротко ответил Хэнкс.

— Вот как? Интересно. Почему? — удивился король.

— Сэр Джеймс не прав в том, что святейшего папу удастся уговорить. Папа не даст разрешения на развод с королевой.

— Значит, прав сэр Томас. Он говорил именно об этом.

— Нет, сэр Томас тоже не прав. Если вы без папского позволения разведетесь с королевой, то не будет ни войны с императором, ни серьезных беспорядков внутри страны, — твердо сказал Хэнкс.

— Откуда у вас такая уверенность, мастер Хэнкс?

— Ваше величество, я состою на вашей секретной службе и получаю от вас жалование как раз за то, чтобы с уверенностью отвечать на ваши вопросы.

— Хорошо. Но объясните мне, почему не будет войны, и не будет беспорядков? — нетерпеливо произнес король.

— Войны не будет от того, что императору Карлу теперь не до нас. Подчинив себе половину мира, его императорское величество должен постоянно заботиться об удержании своих земель в повиновении, что совсем непросто. То там, то тут случаются всяческие неприятности, и он вынужден посылать свои войска и флот то в одну, то в другую страну. Сейчас, например, его императорское величество пытается излечить чрезвычайно болезненный процесс, поразивший подбрюшье его континентальных владений... Поэтому до тех пор пока мы не будем представлять собой непосредственную угрозу могуществу империи, Карл не начнет войну против нашего королевства. Возможно, он предпримет какие-то вылазки против нас, но до широких военных действий дело не дойдет.

— Убедительно. Ну, а папа и отлучение от церкви?

— Отлучение вашего величества от церкви, видимо, случится, но оно не вызовет анархии и смуты в вашем государстве. Папская власть уже не та, что была раньше, — ее святость померкла, а сила ослабла. Самое же главное, что на удовлетворение своих прихотей папам требуется все больше и больше золота. Согласитесь, ваше величество, что дворцы, ювелирные украшения, роскошная мебель, дорогие ткани, изысканная еда и прочие приятные мелочи жизни стоят немало денег, а добавьте к этому многочисленных папских любовниц и любовников... Отсюда вполне понятное стремление папского престола нажиться любыми способами. Выбор между Богом и Мамоной сделан папской церковью в пользу последнего. Сомнительные торговые сделки, покровительство бандитам и пиратам, взимание платы за церковные таинства, отпущение грехов за деньги дополняются увеличением поборов с народа и безжалостной борьбой со всеми недовольными. В результате люди теряют веру в то, что церковь служит Христу; повсюду смута, брожение умов и расколы. Римский пастырь теряет своих овечек, их подбирают другие пастухи.

— Мой Бог! Что вы такое говорите, мастер Хэнкс! От ваших слов пахнет жареным! — Генрих покачал головой.

— Я обязан докладывать вашему величеству о настроениях в обществе, — ни одна черта не дрогнула на лице Хэнкса.

— Не желаю вас слушать! Отправляйтесь в часовню и молитесь, чтобы Господь утвердил вас в вере!

— Как прикажете, ваше величество.

— Пойдите, мастер Хэнкс! Скажите мне еще, в чем причина заблуждений сэра Джеймса и сэра Томаса? — остановил Хэнкса король.

— Они не заблуждаются, ваше величество, они слишком умны для этого.

— Стало быть, они лгут?

— Политики никогда не лгут, ваше величество, потому что у них нет понятий о правде и неправде. Политиками движет расчет — для них истинно то, что им выгодно.

— Какой же расчет движет сэром Джеймсом?

— Сэр Джеймс является фактическим предводителем тех ваших подданных, которые добились власти и богатства после смуты в королевстве. Они не хотят делиться своими доходами и своим влиянием с остатками прежней знати и с церковью, поэтому им выгодна ваша ссора со святейшим папой, который поддерживает, как известно, старые порядки. Эти люди станут вашей верной опорой в борьбе за создание нового уклада жизни в государстве.

— Хорошо, а что касается сэра Томаса? У него какие тайные мотивы? — спросил король недоверчиво.

— Сэр Томас устал от реальности и впал в мечтательность. Он считает, что людские пороки можно исправить, если людей постоянно направлять и наставлять к лучшему. Существующую церковную организацию, при условии избавления от вопиющих недостатков, сэр Томас полагает прототипом идеальной системы устройства общества, в котором будет достигнуто духовное единение всех людей под властью мудрого правителя.

— И кого он видит в роли такого правителя?

— Боюсь, что не вас, ваше величество, — ответил Хэнкс.

— Опасные мечтания, опасные, — сказал король. — И много моих подданных поддерживают сэра Томаса?

— О, нет, ваше величество! Совсем немного, — произнес Хэнкс с мимолетной усмешкой.

— Я, однако, не понимаю, как мы станем жить без папского благословения, — проговорил король, помолчав минуту. — Ну ладно, на сегодня довольно разговоров о делах, хватит политики! Вы почтите своим присутствием завтрашнюю королевскую охоту, уважаемый мастер Хэнкс?

— Среди благородных господ не место простолюдину, — сказал тот.

— Если вы достойны компании короля, то тем более достойны компании его слуг, — заметил Генрих. — Впрочем, не настаиваю, зная вашу нелюбовь к публичным зрелищам. До свидания, мастер Хэнкс!

— Да хранит Господь ваше величество! — склонился перед королем Хэнкс.

Дождавшись, когда он выйдет, Генрих достал из ящика массивного дубового стола маленький овальный портрет с изображением миловидной девушки и долго смотрел на него.

— Политика, расчет, выгода... Любовь, любовь и еще раз любовь — вот что правит миром! Какая красота, какое совершенство, какое изящество! Разве можно сравнить ту и эту? Пока Екатерина была молода, я еще находил в ней некоторую привлекательность, особенно в тех частях тела, что скрыты под платьем: у нее были крепкие красивые ягодицы, а грудь, хотя и мала, но упруга. Я женился на Екатерине не по любви, но любовь все равно взяла себе дань; видит Бог, я исполнял свои супружеские обязанности с должным усердием и даже с выдумкой! Однако Екатерина в постели всегда была холодна, как январский день, и принимала мои ласки лишь по обязанности жены; родив же дочь, она вовсе

перестала отвечать на мои порывы. Конечно, я мог обладать ею по праву мужа, но кому понравится ласкать бесчувственное тело, которое, к тому же, безвременно увяло и состарилось.

Перестав быть единой плотью, мы с Екатериной окончательно стали чужими людьми, потому что душою мы всегда были чужими. Пусть Господь рассудит, кто из нас прав, кто виноват, но клянусь всеми святыми, дальнейшая супружеская жизнь с Екатериной для меня невозможна! Если бы моя супруга была только сварлива, капризна, плаксива и переменчива, я бы легко всё это вытерпел: есть ли на свете женщина, которая была бы лишена этих недостатков? Что делать, такими женщин создал Бог! Но Екатерина, помимо всего прочего, пытается возвыситься надо мной, сделать из меня покорного исполнителя ее воли и взять в свои руки управление моим королевством. Она распускает сплетни обо мне, ведет интриги и составляет заговоры против меня. Во имя чего я должен терпеть такую жену?

А эта... — король снова посмотрел на портрет. — Как она хороша: живой взгляд, милое доброе лицо, очарование молодости и красоты! Представляю, какое стройное у нее тело, какие восхитительные формы... Ну, не будем об этом, слишком волнительно... К дьяволу все

политические расчеты, я хочу жениться на ней, — и я на ней женюсь!

* * *

Более трехсот человек выехали ранним утром на королевскую охоту. Кроме господ, приглашенных королем, и пожелавших сопровождать их дам, кроме загонщиков и егерей, в состав охотничьей компании входили многочисленные слуги, которые должны были обслуживать пикник, повара, чтобы порадовать благородное общество вкусным и обильным обедом, а также музыканты и актеры, призванные увеселять короля и его гостей.

Длинная процессия проехала через сонный город и направилась к обширному лесу, находившемуся в двух часах езды от Лондона. Луга, поля и огороды были скрыты белесым туманом, сырым и зябким, наполненным запахами мокрой травы, земли и дыма, поднимающегося из печных труб, — последние дни осени были коротки и быстротечны, поэтому поселяне вставали перед рассветом, чтобы закончить полевые работы уходящего года.

Не привыкшие рано просыпаться придворные дремали в повозках и седлах своих лошадей; дамы дрожали от холода и кутались в меховые плащи. Не

было слышно ни разговоров, ни шуток, ни смеха, обычных для большого общества, — лишь стук колес повозок, цоканье подков лошадей и бряцание плохо уложенной поклажи нарушали утреннюю тишину.

Но когда кавалькада приблизилась к лесу, солнце уже поднялось над деревьями, и туман начал быстро рассеиваться. На багряных, оранжевых, желто-зеленых листьях деревьев засверкали капли росы; сначала робко и неуверенно, а потом все громче запели птицы; прозрачный осенний воздух, пронизанный солнечными лучами, чуть дрожал, переливаясь золотистыми оттенками пышного увядания природы.

Охотники оживились и с веселым шумом подъехали к большой поляне, на которой было решено разбить походный лагерь.

— Богиня Флора прекрасна даже во время своего угасания... Да, но Венера всегда молода!.. А Купидон — и вовсе мальчишка, — переговаривались кавалеры.

Дамы, улыбаясь им, успевали шептаться между собой:

— Природа, конечно, прекрасна, но, согласитесь, что в плане удобств... Ах, не напоминайте, мне уже давно надо отойти!.. А у меня юбка сбилась, нужно поправить, а где?...

Пока слуги расставляли шатры и столы, раскладывали кресла, вынимали посуду, вино и закуски, егеря произвели поиск в окрестных зарослях и доложили королю, что видели свежие олени следы неподалеку от поляны.

— Джентльмены, добыча рядом, — сказал король. — Я имею в виду оленей, господа. Приступим, и да поможет нам богиня Диана загнать их!

Генрих направился по указанному егерями направлению с таким расчетом, чтобы оказаться на пути оленей. Несмотря на свою грузность, король прекрасно держался в седле; он пустил лошадь крупной рысью, ловко увертываясь от низких веток деревьев.

Сделав широкий полукруг, охотники оказались в мелком перелеске, в который, по мнению егерей, должны были выйти олени, спасавшиеся от загонщиков. Встав по ветру, король и дворяне замерли, вглядываясь туда, откуда доносились звуки облавы; чем ближе она подходила, тем томительнее становилось ожидание, и тем больше разгорался азарт, одолевавший охотников.

— Черт возьми, вдруг олени уйдут через болото? — не выдержал один из них.

На него зашикали, а король недовольно покачал головой. Наконец, на опушку дубравы

выбежали два оленя: самец с мощными рогами и самка. Они настороженно принюхивались к запахам перелеска, расстилающегося перед ними, и испуганно пряли ушами, вздрагивая от криков загонщиков и собачьего лая. Если бы не облава, олени, наверное, уловили бы опасность и не попали в засаду, но сейчас у них не было выбора, — они побежали в перелесок, прямо на охотников.

Увидев оленей, Генрих опустил пику наперевес, ударил плетью свою лошадь и галопом бросился им навстречу. В тот же миг животные, заметив угрозу, резко свернули в сторону и большими прыжками, не разбирая дороги, попытались уйти от охотников.

— Бычок мой, а телка ваша, джентльмены! — прокричал Генрих дворянам, не оборачиваясь к ним.

— Егеря, дьявол вас забери, не давайте оленю заваливать влево! Он может по краю леса обойти облаву! — прибавил король, отчаянно стараясь догнать свою жертву.

Олень метался и прыгал, стараясь вырваться из смертельного кольца, но скоро был обложен и прижат к непроходимому густому кустарнику, сквозь который он не смог пробиться, хоть и прыгал на него всей грудью. Тогда олень, тяжело дыша и роняя пену с губ, остановился, повернулся к своим мучителям, обвел их ненавистным взглядом

налитых кровью глаз, опустил рога и с трубным ревом пошел в последний бой в своей жизни. Егеря закричали и хотели выстрелить в оленя, но Генрих остановил их:

— Не мешать! Он — мой! — и мощным ударом пики пробил ему шею.

Олень захрипел, захлебнулся кровью, рванулся было вперед, но в тот же миг пошатнулся и упал на землю, ломая кусты. Король спрыгнул с лошади, выхватил кинжал и подбежал к поверженной жертве. Олень еще пытался встать с земли, дергая ногами и поднимая голову; увидев своего убийцу, он сначала забился еще сильнее, а потом вдруг замер и со смертной тоской посмотрел на Генриха.

Король, торжествуя, мгновение постоял над ним, чувствуя свою силу и превосходство, а затем добил его.

— Отличный выпад, ваше величество! Вы прекрасно владеете и пикой, и кинжалом! Да здравствует король! — восторженно воскликнули егеря.

— Да, удачная вышла охота, — возбужденно сказал Генрих. — Каков красавец! — прибавил он, пнув оленя ногой. — Матерый бычок. До конца боролся за свою жизнь... Смотрите: у него слезы на глазах, вот до чего не хотел умирать! Все, как у людей... Интересно, как дела у моих

достопочтенных джентльменов? Затравили они телку?

— Да, ваше величество. Я видел, как они ее убили, — ответил один из егерей.

— Хорошо. Славная сегодня вышла охота, — повторил Генрих, усаживаясь на коня.

* * *

Возвращение охотников вызвало неподдельный восторг у королевской свиты. Музыканты заиграли веселую бравурную мелодию, а проголодавшиеся придворные жадно разглядывали добычу, предвкушая вкусное жаркое. Однако, поскольку на приготовление оленины нужно было много времени, обед начался с блюд, которые были изготовлены поварами из привезенной с собой провизии. Как только Генрих умылся после охоты, мажордом тут же подал знак слугам, и они принесли огромный котел с гороховой похлебкой, заправленной кусочками свиного сала, клецками, зеленью и тертым чесноком.

Генрих, вообще любивший покушать, а сейчас еще и страшно проголодавшийся, едва дождался, когда ему нальют суп, и, обжигаясь, принялся жадно есть, не задумываясь о соблюдении приличий. Придворные также решили забыть про

этикет и вели себя шумно и непринужденно. Король благосклонно кивал им, поощряя застольное веселье.

Гороховую похлебку сменила телятина, зажаренная в сметане с грибами и черносливом; вместе с ней был подан нежный розовый окорок с листьями капусты и с перышками лука-порея. Всё это входило в первую перемену блюд, призванную слегка утолить голод обедающих. Во вторую перемену повара включили рыбу, сваренную в белом вине, копченые бараньи колбаски, нашпигованные ягодами барбариса, гусиный паштет с протертыми орехами и заливное из свиных ножек. Кроме того, на столы были поставлены большие блюда с сыром всевозможных сортов, искусно нарезанным или свернутым в трубочки. Сыр, по мнению кулинаров и врачей, способствовал усилению пищеварения, а это было необходимо, чтобы подготовить желудки короля и его гостей ко второй части обеда, в которую должны были войти жаркое из оленины и десерт из засахаренных фруктов, хрустящих вафель, кремовых пирожных и сливочных пудингов.

Поев сыра, Генрих лениво откинулся на спинку кресла, отпил порядочный глоток из кубка, наполненного крепким виноградным вином, и подозвал мажордома.

— Любезнейший, чем вы повеселите нас? — спросил он.

— Ваше величество, у нас в программе выступление артистов, которые хотели показать отрывок из трагедии Софокла, — напомнил королю мажордом.

— Да, да... Но три часа смотреть Софокла! Надо сократить представление, пусть вначале будет музыка и танцы, а уж потом Софокл. Кстати, насчет Софокла... У меня появилась неплохая идея. К черту Софокла, — смогут ли ваши фигляры наскоро выучить и представить нам небольшой кусок из пьесы, который я им передам?

— Полагаю, что смогут, ваше величество, — понимающе улыбнулся мажордом.

— Вот и чудесно! Пусть подойдут ко мне, я скажу, что им надо будет сыграть. Постойте, еще одно: если моим гостям будет угодно послушать, как их король музицирует, я готов доставить им эту маленькую радость. Вы понимаете меня?

— О, конечно! Я понял вас, ваше величество. Все будет исполнено!

Король сделал жест, разрешающий мажордому удалиться. Отпив еще глоток из кубка, Генрих, щурясь от яркого солнца, осмотрел ряды своих придворных. Разомлевшие от сытной еды, упоенные ароматами осеннего леса, согретые теплом погожего дня они лениво болтали между

собой, не обращая внимания на своего государя. Генрих увидел, как сэр Джеймс о чем-то оживленно беседует со своими приятелями, и услышал уверенные интонации его голоса. Взгляд короля скользнул и по мрачной физиономии сэра Томаса, который сидел в одиночестве в глубокой задумчивости. Генрих с досадой отвернулся от него и в следующее мгновение невольно улыбнулся: он увидел Анну Болейн, взор ее чудесных глаз был устремлен на короля. Генрих выпрямился в кресле, вобрал живот и погладил свою аккуратно подстриженную бороду.

— Актеры, ваше величество, — раздался голос мажордома.

Генрих милостиво кивнул им:

— Очень рад, господа артисты. Надеюсь, вам объяснили, чего мы ждем от вас?

— Мы готовы исполнить все приказания вашего величества, — ответил ему старший из них с глубоким поклоном.

— Прекрасно! Вот вам текст из пьесы, который случайно оказался у меня. Автор нам неизвестен, но это и неважно: нас заинтересовали характеры и ситуация. Речь здесь идет о любви некоего мудреца к молодой девушке, с которой его разделяет немалое число лет, но, несмотря на это, она отвечает ему взаимностью. Что девушка нашла в нем, чем он тронул ее сердце? Величием и

мудростью, — так говорится в пьесе, и я согласен с автором. Молодость и красота женственности, зрелость и значимость мужественности прекрасно сочетаются друг с другом, — вот главная мысль сочинителя, которую вам надлежит донести до зрителей. Действующих лиц в пьесе, соответственно, двое — Философ и его возлюбленная по имени Леда; кроме них, как того требует от нас традиция, присутствует Хор, разъясняющий публике смысл происходящего на сцене и делающий правильные выводы из действия. Сможете ли вы примерно за час выучить этот отрывок, чтобы затем разыграть его перед нами?

— Не сомневайтесь, ваше величество, благороднейший из государей! Дабы угодить вам, мы выучим это отрывок и за меньшее время! — воскликнули артисты.

— Итак, берите текст и приступайте! В нужный момент вас позовут, — сказал им король и обратился к мажордому:

— Любезнейший, я ведь просил вас еще кое о чем.

— Мог ли я забыть ваше приказание, государь? Соблаговолите сообщить мне, когда вы захотите музицировать.

— Когда? Да прямо сейчас, черт возьми! — Генрих с беспокойством отыскивал взглядом Анну,

куда-то исчезнувшую за время его разговора с артистами.

— Слушаюсь, ваше величество, — мажордом подмигнул кому-то за столом, и немедленно раздался возглас:

— Ваше величество, простите за дерзкую просьбу и за то, что я осмелился беспокоить вас, но клянусь спасением души, никто не играет на лютне лучше вас! Окажите великую милость, — порауйте нас своей игрой, ваше величество!

— Очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, ваше величество! Мы так давно не слышали вашей чудесной игры! — присоединились к первому голосу другие голоса.

— Прошу прощения, дамы и господа, но сегодня я вряд ли смогу сыграть. Я слегка устал на охоте и боюсь, что мои руки будут плохо слушаться меня, — сказал король, по-прежнему отыскивая взглядом Анну.

— Но мы очень просим вас, ваше величество! Пожалуйста, пожалуйста, окажите нам милость! — продолжали упрашивать придворные.

Тут лицо Генриха просияло от удовольствия: он увидел Анну, вернувшуюся на свое место.

— Ладно, дамы и господа, я сыграю, если вы настаиваете, — согласился он. — Но не судите слишком строго мою игру.

Королю немедленно принесли лютню, взятую на время у музыкантов. Генрих попробовал, как она звучит, потом, сделав паузу, пристально посмотрел на Анну и принялся играть старинную песню трубадуров, в которой говорилось о любовных страданиях рыцаря и о великих подвигах, совершенных им во имя его возлюбленной, — но, увы, не вызвавших ответной любви в ее душе. Эта песня была хорошо знакома всем, и сердца придворных, размякшие после прогулки на свежем воздухе и сытного обеда, растаяли; у дам полились слезы из глаз, мужчины загрустили. Анна, тоже растроганная грустной историей о несчастной любви рыцаря, потупила взор, вытирая заплаканные глаза.

Взяв последний аккорд, Генрих отодвинул лютню и застыл, глядя вверх голов своих придворных.

— Как хорошо! Как замечательно! Великолепно! — закричали они. — Ваше величество играет на лютне лучше всех на свете.

— Вы преувеличиваете, господа. Я всего лишь умею перебирать струны — и только, — возразил король.

— О нет, ваше величество! Вы отличный музыкант, — не соглашались с королем придворные. — Умоляем вас, сыграйте еще!

— Ну, не знаю, не знаю... Разве что, вот это я попробую исполнить. Это свободная трактовка веселого лангедокского танца. Говорят, его очень любил герцог Раймонд.

Король заиграл, и улыбки появились на лицах придворных. Задорная музыка разогнала печаль, навеянную грустной песнью; сразу захотелось танцевать, и многие начали отбивать пальцами по столу такт мелодии. Генрих выразительно посмотрел на музыкантов: они подхватили мотив танца, и тогда король, отложив лютню, поднялся, подошел к Анне, подал ей руку и вывел на середину поляны. Зардевшаяся девушка облокотилась на руку короля и грациозно прошла с ним, приседая и кланяясь, как того требовало искусство хореографии. Король тоже танцевал на удивление изящно, — они были прекрасной парой.

Придворные зашептались: разлад в королевской семье ни для кого не был секретом, и подчеркнутое внимание короля к Анне Болейн могло стать предвестником больших перемен в обстановке при дворе. Сэр Джеймс, не скрывая ликования, перемигивался с друзьями, а сэр Томас, напротив, помрачнел еще больше.

После окончания танца у придворных появился новый повод для пересудов: король отвел леди Анну к своему столу и усадил рядом с собой. Это было неслыханно, это был прямой вызов

королеве, которая, хотя и не присутствовала на охоте, но отнюдь не утратила положенные только ей привилегии.

Анна, чувствуя десятки взглядов, устремленных на нее, сидела ни жива, ни мертва, поэтому с первого раза не услышала, что сказал ей Генрих.

— Дорогая леди Анна, я безумно влюблен в вас. Выходите за меня замуж, — повторил он.

Она испуганно взглянула на него:

— Помилуйте, ваше величество... Я не понимаю вас. Вы шутите? Как же можно — так, сразу... К тому же, вы женаты.

— Какие пустяки! Я разведусь, я давно собираюсь развестись. Я не люблю жену: более того, — я ненавижу ее! Я люблю вас! Мое чувство к вам глубоко, оно прочнее стали и долговечнее пирамид! Чего мне ждать? Пока я состарюсь? Увы, ведь я не молод... Надо ловить каждое мгновение жизни!

— Но, ваше величество, я вовсе не уверена, что хочу выйти за вас замуж, — пробормотала Анна.

— Я понимаю. Подумайте. Видит Бог, я люблю вас так, как никто не будет любить! Я сделаю вас счастливой, моя дорогая леди, клянусь вам! Подумайте.

Анна, совершенно растерянная, не знала, что сказать.

— Подумайте, — повторил Генрих. — А теперь я хотел бы развлечь вас. Актеры собираются показать нам какую-то пьесу. Посмотрим?

Он подозвал мажордома и шепнул ему:

— Ну, что, готовы эти бездельники?

— Почти, ваше величество.

— Дьявол их раздери! Я не желаю ждать, — пусть начинают, и сейчас же! Извольте распорядиться, любезнейший.

Мажордом направился к артистам и не позже чем через минуту объявил:

— Ваше величество! Дамы и господа! Извольте посмотреть небольшое театральное представление — отрывок из пьесы о жизни некоего философа! Актеры просят вашего всемилостивейшего внимания!

Под большим дубом, стоявшим на поляне, была натянута занавесь, за которой скрывались актеры. По знаку мажордома загремели барабаны, заревели трубы, и оттуда вышел тучный и высокий трагик, исполняющий роль *Философа*. Он прошелся перед занавесью с видом глубокой задумчивости, затем остановился, прижал левую руку к груди, а правую вытянул в сторону зрителей. Трубы и барабаны стихли; трагик, дико вращая

глазами, мрачным громовым голосом начал читать свой монолог:

С тех пор, как стал я знаменит
Мир обо мне лишь говорит.
Живущий всяк меня хвалит,
Мой ум мудрец боготворит!

Но знал бы кто тоску мою:
Я водопадом слезы лью,
Почти не ем и мало сплю,
Не отдыхаю и не пью!

Вся жизнь моя ей отдана.
Душа страданием полна:
Любовь меж нами иль стена?
Но, тсс... Шаги... Идет она!

На сцену вышел исполняющий роль *Леды* молодой человек, ибо женщинам строго запрещалась участвовать в представлениях. Он был одет в женское платье и ярко раскрашен; раскачиваясь и жеманно хихикая, он приблизился к трагику, изображая смущение и робость, которые обычно испытывает молодая девица на первом свидании с мужчиной. Зрители засмеялись и захлопали, а Генрих, насупившись, проворчал:

— Проклятые фигляры! Превращают высокую любовную историю в фарс!

Молодой актер прокашлялся и тоненьким голоском выкрикнул:

Невольню я к тебе влекусь неведомою силой!

Но отчего так грустен ты... э-э-э... философ мой любимый?

Генрих фыркнул от негодования: — Не могли выучить слова, чертовы комедианты!

Далее в пьесе шел диалог, в котором Философ уверял Леду в своей любви, а Леда отвечала ему взаимностью. В заключение, взявшись за руки, они пропели:

Так заключим союз священный,
Любви союз благословенный!
И будет он надежный, верный,
Прочнее стали закаленной!

Затем вышли артисты, изображающие *Хор*. Выстроившись полукругом, они тоже спели:

Позвольте нам вниманье ваше еще на пять минут занять,
Мораль увиденного вами позвольте нам растолковать...

Не надо, право, удивляться, что юность к зрелости влечет,

Там опыт, мудрость, постоянство, там уваженье и почет!

Жар страсти там не остывает, — не то, что вспыхнул да погас,

Как в младости огонь пылает, не грея, но сжигая нас...

Король захлопал, и тут же раздались дружные аплодисменты всех присутствующих. Довольные актеры раскланялись и удалились. Они рассчитывали получить хорошее вознаграждение, однако король распорядился, чтобы им заплатили самую малость:

— Мы оказали им честь, позволив выступить перед нами. Да и нельзя им заплатить много, — я их повадки знаю: напьются, безобразничать станут. Еще в полицию их заберут, выпорют... С ними вообще надо построже, для их же пользы.

Повернувшись к Анне, король спросил ее:

— Понравилось ли вам представление, мой ангел?

— Да, ваше величество.

— Мне тоже. Стихи, признаться, довольно скверные, но исполнены глубокого смысла: отраднo видеть союз мудрой зрелости и прекрасной юности... Выходите за меня замуж, моя милая,

любимая, драгоценная леди Анна! Клянусь, что стану любить вас до гробовой доски!

— Ваше величество, дайте мне время, — испуганно сказала она.

Король нагнулся и поцеловал руку девушки. Распрямившись, он громко произнес:

— Пора продолжить наш пир. Мне не терпится попробовать оленя, которого я убил, а дамы, полагаю, заждались сладкого. Мажордом, распорядитесь, пожалуйста!..

Часть 2. Письмо королевы Екатерины

Королева Екатерина плакала у себя в спальне. Предыдущей ночью она долго дожидалась возвращения короля с охоты: невзирая на сложные отношения с ним, Екатерина продолжала беспокоиться о Генрихе, когда он задерживался дольше положенного, а тем более на охоте, где всякое может случиться. К тому же, существуют правила приличия, нарушать которые не позволено даже королю, — как можно настолько пренебречь женой, чтобы не оповестить ее о своем возвращении, не зайти к ней и не пожелать доброй ночи!

Да, она выходила замуж не по любви, но двадцать три года супружества не отбросишь просто так. Со временем у Екатерины возникла

привязанность к мужу и, возможно, что-то похожее на любовь. Несмотря на все сложности, у нее еще теплилась надежда на то, что их супружеская жизнь каким-нибудь образом наладится. Именно потому, что эта надежда по-прежнему существовала, Екатерине особенно больно было видеть, как король безжалостно уничтожает последние жалкие остатки того, на чем еще держался их брак.

Отослав камеристку, королева провела жуткую бессонную ночь, и самые страшные мысли приходили ей в голову. В сущности, позднее возвращение короля не было чем-то из ряда вон выходящим, также как и его нежелание зайти лишней раз в покои королевы, но Екатерина, измученная постоянным невниманием к ней Генриха, раздраженная против него, уже не могла воспринимать спокойно ничего из того, что делал король. Страдания Екатерины были безмерны, — если бы она не являлась ревностной христианкой, она, наверное, выпила бы яд, или постаралась отравить Генриха.

Наступило утро, и обычные ритуалы умывания и одевания несколько отвлекли королеву от ее переживаний. При свете дня у нее вновь проснулась надежда на благополучный исход затянувшегося конфликта с мужем, на возрождение разрушенной семьи, — тем ужаснее стал для королевы доклад ее любимой фрейлины Сью о

поведении короля на охоте, о возмутительных, недопустимых знаках внимания, оказанных им Анне Болейн.

В глазах у Екатерины потемнело, она замахала руками на служанок и дам из своей свиты, чтобы они поскорее покинули ее спальню, и зарыдала, как только последняя из них закрыла дверь. Королева плакала, облокотившись на стол и закрыв лицо руками; она плакала все горше и горше, растравливая себя воспоминаниями о бесчисленных обидах, причиненных ей Генрихом, о жестокой судьбе, сделавшей ее женой этого чудовища, и о своей молодости, погубленной им.

Наплакавшись, Екатерина взглянула на себя в зеркало. Вид у нее был хуже некуда, — постаревшая осунувшаяся женщина с морщинами на лбу, около глаз и в уголках рта, с тусклым серым цветом лица, с дряблой кожей на шее и на руках. Конечно, Екатерина и в молодости не была красивой, но тогда ее кожа была нежной и гладкой, а тело — стройным. Она была привлекательна и вызывала желание в мужчинах, и Генрих тоже желал ее, — прости, Господи! Боже, как быстро проходит молодость, как быстро увядает женская красота!

— Старуха, я уже старуха! — сказала себе Екатерина и снова заплакала.

Вскоре, однако, на смену слезам пришла злость.

— Негодяй, мерзавец, грязный развратник, еретик! — ругалась Екатерина, вытирая красные, опухшие от слез глаза. — Разве это король? Грубый мужлан, скотина, ожиревший боров, похотливая обезьяна! Говорят, в его роду были свинопасы; если бы не та злосчастная война, никогда бы его семья не пришла к власти!.. Долго я терпела ваши гнусности, ваше величество, но теперь всё кончено! Можете попроситься с короной и с королевством: о, я покажу вам, как я умею мстить! Вы меня плохо знаете, дорогой Генрих!

В дверь постучались.

— Кто там? — крикнула королева.

Фрейлина Сью заглянула в спальню и сказала:

— Простите, мадам, но вас ожидает монах Бенедиктус. Он говорит, что вы назначили ему аудиенцию.

— Пусть подождет. Бумагу мне, перо, чернила! Я напишу императору. Скажи сэру Фердинанду, чтобы он был готов немедленно отправиться к нему!

Через час письмо было написано, но Екатерина решила пока что не отправлять его. Излив в этом послании свой гнев и свою горечь, королева немного приободрилась и велела позвать

монаха Бенедиктуса, а сэру Фердинанду было приказано ждать.

Лицо Бенедиктуса имело, по обыкновению, серьезное и многозначительное выражение, взгляд был потуплен, а руки теребили веревочный пояс темно-коричневой сутаны, мешком висевшей на длинном и тощем теле монаха.

— Что ты можешь сказать мне, Бенедиктус? Ты гадал сегодня ночью?

— Пресветлая королева хочет обидеть меня, — угрюмо ответил он. — Гадание — темное и недостойное занятие, сродни колдовству и волхованию. Я никогда не гадаю, я молюсь святым угодникам, чтобы они открыли мне истину. Иногда святые нисходят к моим мольбам и дают мне дар предвидения.

— Я никогда не связалась бы с тобой, если бы здесь была хоть капля колдовства, — желчно заметила Екатерина. — Не придирайся к словам, монах, говори о том, о чем тебя спрашивают!

— Королева изволит гневаться? Напрасно. Следует избегать гнева, также как и чрезмерной радости, скорби, и вообще любых бурных чувств. Смирение и терпение — наши верные спутники в земной жизни.

— Перестань меня поучать! Я хочу услышать, что тебе открылось прошлой ночью?

— Упаси меня Христос поучать кого-нибудь! Я недостойный грешный человек, червь во прахе, — могу ли я поучать? Напротив, я должен внимать поучениям и наставлениям, которые, несомненно, идут мне на пользу. Благодарю тебя, государыня, за то, что по великой своей милости, ты наставляешь и ругаешь меня, смиряешь мою гордыню и указываешь на мое ничтожество — твоя доброта зачтется тебе.

— Ладно, Бенедиктус, будет сердиться, — примирительно сказала Екатерина. — Я заставила тебя ждать лишь потому, что у меня было действительно срочное дело. Я сгораю от нетерпения услышать о результатах твоих ночных опытов. Пожалуйста, расскажи, что тебе открылось. Твоя королева просит тебя.

— Воистину, ты образец христианского поведения, государыня! Прошу простить меня, если я стал причиной твоего раздражения. Слушай же, королева, что я узнал этой ночью.

Бенедиктус извлек из складок сутаны кусок пергамента и прочел:

Когда найдет на короля затменье,
Тогда начнутся смута и броженье.
Обманчивой бывает тишина,
Под завесой ее готовится война.

Пустыней станут нивы и сады,
И русла рек засохнут без воды;
И пропадут людские все труды,
Песком засыплет ветер их следы.

Екатерина упала на колени перед большим распятием на стене.

— Господи! — воскликнула она. — Вразуми заблудшего, прозри слепого! Спаси, Господи, челоуцев твоих от разорения и гибели! За грехи одного не карай всех, милосердный Боже!.. А впрочем, — прибавила королева, помолившись и поднимаясь с колен, — пусть свершится по воле Твоей! Ты — отмщение, и от Тебя воздаяние!

В дверь снова постучали.

— Кто там еще? — крикнула королева.

— Это опять я, ваше величество, — ответила Сью.

— Что случилось?

— Позвольте войти, мадам? У меня есть для вас важная новость.

— Войди. Видно сегодня утром Господь решил испытать меня, — сказала королева.

— Ох, ваше величество, к сожалению, вы угадали! — подтвердила фрейлина, подойдя к Екатерина. — Только что я узнала, о чем шла речь на заседании Королевского Совета: они говорили о разводе короля с вами.

Екатерина поморщилась:

— Сплетни! Кто-то специально распространяет их.

— Ах, ваше величество, это не сплетни! Король будет просить святейшего папу о расторжении брака. Приехав ночью с охоты, его величество определенно сказал об этом в присутствии некоторых джентльменов, — один из них иногда рассказывает мне о королевских тайнах. Еще король упоминал об Анне Болейн и говорил, что она будет ему прекрасной женой.

Лицо Екатерина покрылось красными пятнами.

— Значит, это правда... Негодяй, негодяй, негодяй! — сдавленным голосом произнесла она и снова заплакала.

Фрейлина сочувственно вздохнула, в глубине души, впрочем, довольная, что именно она принесла королеве такое важное известие. Бенедиктус, сцепив пальцы, молча стоял рядом. Екатерина, всхлипывая, подошла к Сью, сняла кольцо с мизинца и отдала ей:

— Постарайся узнать подробнее о замыслах короля. Ты будешь вознаграждена за усердие.

— О, мадам, служить вам — лучшая награда для меня! — ответила фрейлина, принимая кольцо.

— Иди, — приказала ей Екатерина и обратилась к Бенедиктусу. — Что же нам делать, монах?

— Папа никогда не разрешит королю развестись с вами. Ну, а если король пойдет против его воли, то сбудется пророчество, — сурово и внушительно пробормотал Бенедиктус.

— На все Божья воля! — перекрестилась королева. — А я, пожалуй, дополню письмо к императору вестью о том, что я скоро буду брошена мужем. Оставьте меня, монах.

* * *

Сэр Джеймс после королевской охоты лег спать только утром. Вернувшись в город, он вместе со своими приятелями поехал в известную харчевню, хозяин которой в один момент выгнал засидевшихся здесь допоздна добрых горожан и устроил для компании благородных джентльменов великолепный пир. Было очень весело: музыканты, не переставая, играли до самого утра, шуты смешили своими выходками, девицы, стройные и симпатичные, были соблазнительны и податливы. Приятели сэра Джеймса напились и вели себя непристойно: под утро они раздели всех девиц догола и в таком виде повезли по улицам Лондона,

оглашая спящий город дикими криками и пением неприличных куплетов.

Сэр Джеймс благоразумно уклонился от участия в этой вакханалии и приказал слугам отвезти его домой. Невзирая на утомительную королевскую охоту, бессонную ночь и огромное количество выпитого, он чувствовал себя неплохо. В его голове непрерывно крутилась одна и та же приятная мысль: «Король все-таки решился, наступает наше время!» Довольная улыбка не сходила с лица сэра Джеймса: с ней он приехал домой, с ней его раздели и погрузили в ванну, с ней вытащили оттуда и положили в постель.

Спал сэр Джеймс, однако, недолго. Скоро он был разбужен своим секретарем Джонсом, которому пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести шефа в чувство. Наконец, сэр Джеймс открыл глаза, посмотрел на Джонса и ясным звучным голосом сказал:

— Спасибо, милая девушка, ты можешь идти домой.

— Но милорд...

— Иди, ты мне больше не нужна, — сэр Джеймс отвернулся и заснул.

— Милорд! Проснитесь! Да проснитесь же! — потеряв терпение, секретарь бесцеремонно потряс шефа за плечи.

— Что? Что? Что? — приподнялся сэр Джеймс на кровати. — Как ты смеешь прикасаться ко мне, трактирщик? Я не стану платить за то вино, которое не пил!

— Я не трактирщик, милорд! Я ваш секретарь! — отчаянно воскликнул Джонс.

— Секретарь? — задумчиво проговорил сэр Джеймс и затем пробормотал, засыпая: — Может быть, может быть...

— Ну, проснитесь же, милорд! Умоляю вас! У меня чрезвычайное сообщение, — Джонс снова потряс его за плечо.

— Сообщение? Вы говорите «сообщение»? — сэр Джеймс вздохнул и приложил руку к голове. — Что означает *сообщение*?

— То есть как? — изумился Джонс. — Сообщение — это известие, новость, сведение.

— Боже мой, как много слов! — прервал его сэр Джеймс. — Для чего их так много, если все они означают одно и то же? Вы меня совсем запутали. Вернемся к этому... как вы сказали?

— Сообщению, милорд!

— Ради бога, не кричите, — поморщился сэр Джеймс. — Сообщение... Что-то я никак не могу уловить смысл этого слова... Сочетание букв вроде знакомое, но что за ними стоит, не могу понять. Но оставим в покое буквы, — скажите то, что вы

хотели сказать просто: без букв и без обозначений, — он устало откинулся на подушку.

Секретарь удивленно пожал плечами.

— Я хотел сказать, милорд, что королева написала письмо императору, в котором она обвиняет нашего государя в преступлениях против религии, нравственности, против законов государства, а также в оскорблении ее королевского величества, — и пишет также о намерении короля развестись с ней. Королева просит императора принять все меры к низложению короля Генриха.

Сэр Джеймс в одно мгновение поднялся с постели.

— Откуда вам это известно? — спросил он, недоверчиво глядя на Джонса.

— Королева поручила своему придворному, сэру Фердинанду, тайно отвезти письмо. Но тот оказался благоразумным человеком, и прежде чем ехать к императору, встретился со мной и показал мне послание королевы. Мне пришлось заплатить сэру Фердинанду тридцать серебряных монет.

— Вам возместят ваши расходы, — небрежно махнул рукой сэр Джеймс. — Итак, разрыв между королем и королевой стал окончательным. Более того, королева решилась на государственную измену — на свержение законного правителя Англии. Ах, как хорошо все складывается, — удача сама стучится к нам в дверь! Быстро мне

одеваться, — я еду на прием к королю. И позвать лекаря, — пусть даст мне что-нибудь, избавляющее от головной боли и тошноты!

* * *

Почти в тот же час сэр Томас сидел у себя в кабинете в кресле перед камином, перелистывая старинную книгу, оплетенную почерневшей телячьей кожей. Дверь в кабинет беззвучно открылась, вошла жена сэра Томаса. Она приблизилась к мужу, обняла его и заглянула в книгу, которую он читал.

— Что это? — спросила она.

— «Основания стоицизма», — ответил сэр Томас.

— Я думала, ты пишешь.

— Нет. Я больше никогда не буду этого делать, — сказал он, нахмурившись.

— Почему?

— Подчинить перо запросам толпы и выгодно продавать свои литературные изделия — вот единственное, ради чего можно заниматься литературой. Тот, кто следует этим принципам, заслуживает уважения как хороший ремесленник и расчетливый купец. Но горе пришедшему в литературу с высокими побуждениями, с искренними душевными порывами! В лучшем

случае его ждет небрежное внимание избранных ценителей, в худшем — шиканье растревоженной публики. Я не хочу больше стоять у позорного столба, не хочу слышать злобные выкрики своих врагов и ядовитые слова утешения от своих друзей. Слава богу, мы достаточно обеспечены, и мне не надо торговать своими мыслями и чувствами, чтобы заработать себе на жизнь!..

— У тебя что-то случилось? На вчерашней охоте? — насторожилась жена.

— У меня — нет. У всех нас — да.

— Я не понимаю тебя.

— Король оказал особые знаки внимания леди Анне Болейн, — коротко объяснил сэра Томас.

— Ну и что? Слабость короля к молодым девицам известна всем.

— Государь хочет развестись с королевой.

— Вот новость! — засмеялась жена. — Да он уже много лет хочет с ней развестись!

— Нет, теперь его намерение решительно и серьезно. Сама королева убеждена в этом. Сегодня она отправила письмо императору, в котором просит заступничества и требует принять меры к низложению короля.

— Святая Дева! Неужели это правда? — жена сэра Томаса испуганно взглянула на него.

— Я читал письмо королевы.

— Ты читал ее письмо?

— Не удивляйся. Посланец королевы показал мне его; мудрый он человек, посланец королевы, — решил, что в интересах государства я должен знать об этом письме! — невесело улыбнулся сэр Томас.

— Что же будет? — с тревогой спросила жена.

— Я обязан доложить государю. Но тем самым я дам повод королю для обвинения королевы в заговоре. Развод станет неизбежным даже и без согласия церкви. Мы поссоримся с императором, мы поссоримся с папским престолом, но не это самое страшное.

— Боже мой! Война, отлучение от церкви — и это еще не самое страшное? О чем ты говоришь! — ужаснулась жена.

— Войны может и не быть, а власть папы сейчас не так сильна, как раньше, когда он легко менял королей и перекраивал королевства по своему усмотрению. Нет, меня тревожит не война и не отлучение от церкви... — сэр Томас замолчал, поглощенный своими мыслями.

Жена легонько дунула ему на волосы.

— Очнись. Что же тебя беспокоит, если не война и не проклятие папы?

— Разрыв с папой позволит сэру Джеймсу и подобным ему джентльменам поставить церковь в зависимость от короля, — и уж они постараются использовать преимущества этого нового порядка, уверяю тебя! Они превратят веру в свою

послушную служанку, которая станет исправно трудиться во имя их обогащения, — сказал сэра Томас. — Освободиться от власти деспота — еще не значит получить свободу; деспотизм папы они хотят заменить тиранией безжалостных хищников, пожирающих своих слабых собратьев. Кто спорит, наша страна тяжело больна, но вместо того чтобы бороться за ее исцеление, эти джентльмены хотят поскорее умертвить ее, да еще и забрать себе оставшееся наследство. Справиться с болезнью, убив больного, — таков метод их лечения. Не исцеляют они, а убивают, и потому будут прокляты во всех делах своих!

— Как ты разволновался, дорогой мой, — жена поцеловала сэра Томаса в щеку. — Так ли все ужасно, как тебе представляется?

— Боюсь, что еще ужаснее. «Чуму проказе предпочтем, мы с нею лучше проживем!» — неожиданно пропел фальцетом сэра Томас.

Он встал с кресла и принялся расхаживать по кабинету; его жена с удивлением смотрела на своего разгорячившегося мужа, обычно спокойного и хладнокровного.

— Извини меня, дорогая, я должен ехать к королю. Я обязан сделать все возможное, чтобы не допустить расторжения его брака и разрыва с папой. Тяжело плыть против течения, но я должен! — сказал он.

— А ты подумал о последствиях? —
настороженно спросила жена.

— Да. Я подумал о последствиях, и поэтому я
пойду до конца, чем бы это мне не грозило, —
ответил сэр Томас, остановившись перед ней.

Она покачала головой и вздохнула, не
решившись перечить ему.

* * *

Пока сэр Джеймс беседовал со своим
секретарем, а сэр Томас — со своей женой, король
принимал ванну, наполненную душистой теплой
водой, и с удовольствием вспоминал вчерашнюю
охоту. Он позволял себе шутить со слугами,
омывающими и массирующими его большое
грузное тело.

После ванны короля облекли в удобную
домашнюю одежду, и он направился в малую
столовую, где обычно завтракал в узком кругу
своих гостей. Малая столовая находилась во
флигеле дворца; ее широкие окна выходили в
уютный маленький садик, отделенный от остальной
части королевского парка высокой кирпичной
стеной. Когда было тепло, Генрих приказывал
открыть двери в сад, и столовая наполнялась
свежим влажным запахом листьев и хвои.

Сотрапезники короля занимали незначительные придворные должности и не имели ни малейшего влияния на государственные дела, зато хорошо разбирались в вопросах гастрономии и кое-что смыслили в искусстве. Разговор за столом шел исключительно на эти темы, и если кто-нибудь нарушал негласное правило, запрещавшее обсуждение иных предметов, то больше он не появлялся на королевском завтраке.

Среди прочих гостей бессменным сотрапезником короля на протяжении многих лет был сэра Френсис. В молодости он отличился во время гражданской войны: сэра Френсис со своим отрядом четыре года занимал глухую оборону в лесах, а когда в войне определился победитель, немедленно вышел из лесной чащи и встал под его знамена, за что получил награду и почетное место при королевском дворе. Сумев благополучно пережить все государственные потрясения, сэра Френсис достиг старости, не ведая бед и разочарований. Не зная почти ничего о живописи, музыке и литературе, он слыл знатоком искусства на завтраках Генриха, — короля забавляли его суждения на сей счет.

Этим утром у короля было прекрасное настроение, поэтому он решил потолковать с сэром Френсисом о поэзии. Заняв свое место во главе стола, Генрих посмотрел на косые лучи осеннего

солнца, сквозь ветви деревьев проникающие в окна столовой, и сказал:

— Не открыть ли нам двери в сад? Чудесные дни стоят нынче! Не помню уж, когда была в последний раз такая погожая осень; после полудня воздух прогревается, как летом. Ночи, правда, холодные, и утром не тепло... Нет, не будем открывать двери, а то сэра Френсиса, не дай бог, простудится.

— О, благодарю вас за заботу, ваше величество! — приподнялся тот из-за стола.

— Пустое, пустое! Мне бы хотелось продолжить наш разговор об итальянском искусстве, — а кто, кроме вас, милорд, может дать нам наилучшее представление о нем! Позавчера мы говорили о Петрарке — автор хоть и не новый, но интересный. Как, по-вашему, сэра Френсиса, в чем притягательность его любовного стиха?

— Любовного стиха? — сэра Френсиса вытер салфеткой губы. — Ваше величество, да стихи ведь и пишутся от любви! Если вы любите, предположим, какую-нибудь молодую девицу, то спрашивается, как вам быстрее всего затащить ее в постель? Тут два способа подойдут: подарки и красивые слова. И до того и до другого девицы очень охочи. Подарите ей, к примеру, колечко, и скажите что-нибудь эдакое, красивое, о том, как она

хороша, и как вы ее любите, — и вы уже сделали один из трех шагов по пути к победе!

— Вот как? А еще два шага? — улыбаясь, спросил Генрих.

Сэр Френсис выдержал артистическую паузу:

— Разве вы не знаете, ваше величество?

— Ожидаю, что вы меня просветите.

— Почту за честь, ваше величество. Второй шаг — поведайте ей о своих тайнах. Женщины обожают чужие тайны. Правда, надо помнить о том, что ваши секреты перестанут быть секретами, как только вы о них расскажете, поэтому душу следует открывать с осторожностью и не увлекаться искренностью. Но можете не сомневаться, ваше величество, что став поверенной ваших тайн, девица приблизится к вам, как рубашка к телу.

— Ваши рассуждения основательны, милорд. А третий шаг?

— Развеселите ее, говорю я, развеселите, если хотите добиться ее симпатии! Девушки смешливы от природы; посмотрите на них, — такое ощущение, что они непрерывно хихикают. Поразите ее своим остроумием, заставьте смеяться, — и крепость падет, не выдержав последнего удара! Но, упаси вас боже, смеяться над самой девицей: они этого ужасно не любят. Лесть и похвала должны сопровождать ваше наступление.

— Прекрасная речь, сэра Френсис! Она обличает в вас опытного соблазнителя, но я не понимаю, какое отношение всё это имеет к поэзии Петрарки? — с усмешкой спросил Генрих.

— К поэзии? Да самое что ни на есть прямое, ваше величество! Где, как не в стихах, вы можете красиво рассказать о любви, открыть свою душу и показать свой ум?

— Но поэзия более склонна к трагедии, чем к комедии. Как же быть с последним пунктом вашей теории соблазнения?

— Трагедия? Гм, притворство, одно притворство, ваше величество! Без этого, впрочем, тоже нельзя, нужно же показать, как ты страдаешь! Но если взглядеться пристальнее, то за любой трагедией скрывается комедия. Иначе и быть не может, ибо в нашей жизни все — сплошная насмешка, ваше величество. Ох, помню, ухаживал я в свое время за графиней необыкновенной красоты! Ухаживание проходило строго по правилам, размеренно и методично, в соответствии с требованиями любовной науки. Но графиня мне попалась несговорчивая; тогда я решил прибегнуть к поэзии...

— Вы, сэра Френсис? — король уронил вилку. — Вы писали стихи?

— Нет, ваше величество. Помилуй бог, разве я стал бы заниматься подобной дичью? Я покупал

стихи у неизвестного рифмоплета, который задешево сочинял их по моему заказу. К сожалению, мой стихотворец был равнодушен к Бахусу, и страсть к творчеству часто растворялась у него в стакане с вином. В таких случаях мне приходилось воровать стихи у признанных поэтов, благо, дамы у нас не читают поэтические книги. Кое-что я помню до сих пор:

Мадам, вы красоты храните клад,
Алмазной чистоты победный взгляд,
И пламенный рубин щеки румяной...

А что дальше? Проклятая память! Ах, да!

...Но не видать от вас ни ласки, ни привета!
Поймите, ведь плачу я и день, и ночь подряд,
И говорю несвязно, невпопад,
Так сильно к вам любовью я объят!

Не может сердце горевать...
...Постоянно,
Пролейте ж мне бальзам на раны!

Ну, нечто вроде этого! И что бы вы думали, ваше величество? Целый год правильных ухаживаний не дал никакого результата, а мои стихотворные послания в два счета добыли мне